

дебная палата допустила неправильное истолкованіе этого закона въ примѣненіи къ настоящему дѣлу (71—333). На основаніи тѣхъ же соображеній разъяснено еще, что ст. 991-я, въ ряду другихъ постановленій о дарственныхъ записяхъ, не имѣетъ значенія общаго въ отношеніи дарственныхъ записей закона, а составляетъ лишь исключеніе изъ общихъ о нихъ узаконеній для тѣхъ актовъ, которые хотя и составлены не по формѣ, для дарственныхъ записей установленной, но, по существу ихъ, признаются за дарственные записи. А засимъ и высказанныя въ рѣшеніи по дѣлу Крамаревой соображенія прямо указываютъ на то, что введъ во владѣніе, о которомъ говорится въ 991 ст., относится къ тѣмъ лишь дарственнымъ записямъ, о коихъ постановлено въ той же 991 ст., т. е. къ духовнымъ завѣщаніямъ, признаваемымъ закономъ дарственными записями. Въ 72 г. Мандрыкина просила окружный судъ о введѣ ея во владѣніе подареннымъ ей отцомъ домомъ, на основаніи дарственной записи, совершенной крѣпостнымъ порядкомъ 15 декабря 69 г. Въ просьбѣ этой было отказано потому, что введъ во владѣніе по дарственной записи долженъ слѣдовать немедленно по совершеніи акта и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсроченъ до смерти дарителя, но Мандрыкиною не представлено ко вводу доказательствъ о нахожденіи дарителя—отца ея въ живыхъ. Постановленіе судебной палаты было отмѣнено по неправильному толкованію 991 ст.,—въ виду того, что палата, не принявъ въ соображеніе общихъ узаконеній о введѣ во владѣніе недвижимыми имѣніями по дарственнымъ записямъ, изложенныхъ въ 925 и 992 ст., основалась единственно на послѣдней части 991 ст., не разсудивъ ни того, не относится ли эта часть 991 ст. къ тѣмъ только дарственнымъ записямъ, о коихъ говорится въ началѣ этой ст., ни того, подходитъ ли дарственная запись отца Мандрыкиной подъ постановленіе упомянутой 991 ст., указывающей на введъ во владѣніе, какъ сказано выше, не по дарственнымъ записямъ вообще, а по духовнымъ завѣщаніямъ, признаваемымъ дарственными записями (73—865).—Дарственный актъ отъ завѣщательнаго существова и отличается тѣмъ, что первый укрѣпляетъ право собственности на имущество съ момента выдачи онаго одаренному, тогда какъ по завѣщанію право собственности на завѣщанное имущество наступаетъ по 991 ст. лишь со дня смерти завѣщателя (76—578) (*).

(*) Но правилами Литовскаго статута допускались еще (въ губ. Черниговской и Полтавской до изд. св. зак. 1842 г.—примѣч. къ 991 ст.) дарственные записи на случай смерти,

Не касаясь общих разъяснений о недействительности, ничтожности договоров незаконных (напр. если по суду окажется, что несостоятельный должник подарил имущество, которое принадлежит уже не ему, а его кредиторам, то выданное им по этой сдѣлкѣ даренія заемное письмо должно быть признано ничтожнымъ, какъ учиненное подложно, во вредъ кредиторамъ, 75—473—см. выше дѣло Форстнеръ стр. 419; ср. стр. 31 и 35), мы представимъ указанія относительно тѣхъ случаевъ, когда даръ, въ силу закона, можетъ подлежать возвращенію къ довѣрителю.

По закону (ст. 974) *всякій* даръ можетъ подлежать возвращенію (71—333). Но въ той же ст. 974 содержится общее основное правило, что даръ, принятый тѣмъ, кому онъ назначенъ, къ дарителю не возвращается. Изъ буквального смысла сей ст. очевидно, что обратное требованіе дара воспрещается, за исключеніемъ случаевъ, въ законѣ указанныхъ (68—17). Вслѣдствіе чего даритель не имѣетъ права, даже и въ этихъ случаяхъ, задержи-

Хотя по записямъ симъ уступленное имущество поступало во владѣніе одареннаго, также какъ и по завѣщаніямъ, не прежде какъ по смерти дарителя, но различіе подобныхъ записей отъ духовныхъ завѣщаній существенно (независимо отъ нѣкоторыхъ различій въ формальностяхъ при совершеніи оныхъ) заключалось въ томъ, что даритель не имѣлъ права, по своему усмотрѣнію, уничтожить такую запись, подобно духовному завѣщанію, и могъ уступленное по записи имѣніе записать другому лицу (ст. 522; лит. ст. разд. VII арт. 5 § 1; разд. VIII арт. II § 5). Изъ того, что по подобнымъ записямъ уступленное имущество, въ случаѣ смерти одареннаго прежде дарителя, возвращалось къ сему послѣднему, а не переходило къ наслѣдникамъ одареннаго, какъ сіе установлено въ отношеніи дарственныхъ записей (ст. 977), нельзя не заключить, что по дарственнымъ записямъ на случай смерти одаренный безусловно не дѣлался собственникомъ уступаемаго ему имѣнія съ момента совершенія записи и что право собственности на сіе имущество приобѣтается имъ лишь по смерти дарителя. Подтверженіемъ сего положенія могутъ служить многія рѣшенія по восходившимъ до разсмотрѣнія прав. сената дѣламъ о подобнаго рода дарственныхъ записяхъ на случай смерти. Такъ относительно такого рода записи Пашенковой мѣшніемъ государ. совѣта 18 января 40 г. признано, что Пашенкова по записи сей предохранила себѣ полное право собственности и что посему она можетъ записанное ею брату по дарственной на случай смерти записи имѣніе представить залогомъ. Если же право собственности на подаренное имѣніе по дарственной на случай смерти записи переходитъ къ одаренному лишь съ момента смерти дарителя, то ясно, что право это можетъ перейти къ одаренному лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ таковое принадлежало самому дарителю въ моментъ смерти; а какъ собственностію дарителя, въ моментъ смерти его, можетъ почитаться лишь то, что составляетъ остатокъ отъ вычета долговъ его изъ цѣнности его имѣнія, то изъ сего слѣдуетъ, что только этотъ остатокъ, какъ собственность, которою умершій вотчинникъ, въ моментъ смерти своей, имѣлъ право распорядиться по своему усмотрѣнію, переходитъ въ даръ къ одаренному. По симъ соображеніямъ признано неправильнымъ заключеніе палаты о томъ, что по дарственной на случай смерти записи право собственности на имущество переходитъ къ одаренному въ моментъ совершенія записи и что на сему основаніи Тимченковы и Курилова, приобѣтѣ имѣніе Пашенковой по записи ея 5 марта 20 г., не обязаны платить долга Пашенковой, по заемному письму, Трегубову (76—578).

вать подареннаго безъ судебного, о возвратѣ дара, опредѣленія. Сундквистъ жаловалась на самовольное отобраніе у ней мужемъ подаренныхъ имъ ищицѣ пубы и часовъ. Отвѣтчикъ объяснялъ въ кассационной жалобѣ, что отыскиваемыя женою вещи не—даръ, а относятся къ тому содержанію, которое мужъ обязанъ доставлять женѣ при совмѣстной ихъ жизни, но когда жена оставляетъ домъ и семью, тогда мужъ имѣетъ право взять обратно, какъ свою собственность, все для нея купленное, и тѣмъ болѣе вещи, не составляющія необходимой жизненной потребности. Признано, что вопросъ: были ли отыскиваемыя Сундквистъ вещи подарены ей или получены ею въ видѣ содержанія, не подлежитъ обсужденію суда кассационнаго; что такъ какъ, по заключенію мирового съѣзда, помянутыя вещи переданы ищицѣ мужемъ въ видѣ дара; по закону же, даръ не возвращается дарителю за исключеніемъ особыхъ случаевъ, существованіе которыхъ въ настоящемъ дѣлѣ не доказано, а всякое владѣніе охраняется отъ насилія и самоуправства, доколѣ имущество не будетъ присуждено другому лицу: то рѣшеніе съѣзда, обязывающее отвѣтника къ возвращенію женѣ своей *самовольно* удержанныхъ вещей ея, совершенно согласно съ точнымъ смысломъ закона (69—602).

По отношенію же къ случаямъ, въ которыхъ даритель имѣетъ право требовать возвращенія подареннаго, разъяснено:

1.) Случаи эти опредѣлены въ ст. 974, а именно: если принявшій даръ учинить покушеніе на жизнь дарителя, причинить ему побои (*) или угрозы, оклеветать его въ какомъ либо преступленіи, или вообще окажетъ ему явное непочтеніе. При обвиненіи же въ такомъ дѣяніи, не можетъ быть признано достаточнымъ одно голословное заявленіе дарителя безъ всякихъ доказа-

(*) Ни въ 974, ни въ другихъ ст. X т. 1 ч. не сказано того, что обстоятельство о нанесенныхъ побояхъ должно быть установлено не иначе, какъ въ порядкѣ уголовного производства, и—это потому, что, по ст. 18 у. о нак. налаг. мир. суд., проступки такого рода подлежатъ преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ лишь по жалобамъ пострадавшаго отъ оныхъ. Чавчавадзе предъявила искъ къ Мелику—Каракозову о возвращеніи подареннаго ему имѣнія, п. ч. одаренный дурно обращается съ ней и даже побилъ ее при свидѣтеляхъ. Такъ какъ Чавчавадзе просила о приведеніи путемъ суда въ извѣстность утверждаемаго ею обстоятельства о нанесенныхъ ей Каракозовымъ побояхъ не для личнаго его за то преслѣдованія, а для опредѣленія проистекающихъ для нея изъ этого обстоятельства гражданскихъ правъ: то признано, что судебная палата, отказавъ Чавчавадзе въ просьбѣ объ установленіи, на основаніи указанныхъ ею доказательствъ, вышесказаннаго обстоятельства по той только причинѣ, что нанесеніе побоевъ есть проступокъ уголовный и поему не можетъ, будтобы, быть повѣренъ гражданскимъ судомъ, поступила въ нарушеніе ст. 974 (76—33).

тельствъ, ибо требованіе о возвращеніи дара, предъявленное суду, составляетъ искъ, который, по коренному началу исковаго судопроизводства (ст. 81 и 366 у. г. с.), долженъ быть истцомъ доказанъ. Противъ иска Михалиной о возвратѣ самовольно удержаннаго у нея свекромъ имущества, отвѣтчикъ, при разбирательствѣ дѣла въ засѣданіи мирового съѣзда, отказываясь отъ возвращенія невѣсткѣ удержанныхъ вещей и денегъ, заявилъ, что онъ не желаетъ выдать ей подаренныхъ вещей за явное къ нему непочтеніе; вслѣдствіе чего мировой съѣздъ, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства, въ искѣ Михалиной отказалъ, ссылаясь на 974 ст., не разяснивъ даже, въ чемъ именно заключалось непочтеніе невѣстки, заявленное свекромъ. Рѣшеніе съѣзда отмѣнено по неправильному толкованію 974 ст. (68—17).

2.) Если даръ совершенъ подъ условіемъ (ср. выше стр. 413 и 414), а условіе со стороны одареннаго не выполнено, то даръ возвращается дарителю (ст. 976). Въ силу этого закона и ст. 81 и 366 у. г. с., на истца, требующемъ возвращенія условнаго дара, лежитъ обязанность доказать: а) что даръ совершенъ подъ условіемъ, ибо обыкновенный видъ даренія есть даръ безусловный, который возвращается дарителю лишь въ случаѣ неблагодарности одареннаго (ст. 974), и б) что условіе со стороны получившаго даръ не выполнено. Щепетильниковъ въ исковой просьбѣ объяснялъ, что онъ засваталъ у Петра и жены его Екатерины Соваловыхъ дочь Анастасію и выдалъ, какъ женихъ, выраженные съ него невѣстѣ подарки. Объясняя затѣмъ, что Соваловы выдать за него дочь отказались, Щепетильниковъ просилъ о взысканіи съ нихъ за сдѣланные подарки и въ вознагражденіе убытковъ 98 р. 10 коп. Отвѣтчики возражали, что Щепетильниковъ дарилъ добровольно, а потому Соваловы возвращать подареннаго не обязаны. Такъ какъ Щепетильниковъ требованіе свое основывалъ на томъ, что онъ дарилъ подъ условіемъ, именно, что подарки были съ него выговорены, какъ съ жениха, родителями Анастасіи Соваловой, и что послѣдніе условія не выполнили—отказались выдать за него дочь за мужъ; а мировой съѣздъ призналъ недоказаннымъ существованіе условія: то засимъ отказъ съѣзда въ искѣ Щепетильникову не нарушаетъ 976 ст. (76—134).—Авечкинъ подарилъ сыну своему Павлу домъ съ тѣмъ, что Павелъ обязанъ заплатить опредѣленные въ дарственной записи суммы другимъ дѣтямъ дарителя и ему самому, предоставить дарителю жить въ подаренномъ домѣ

вмѣстѣ съ женою его по смерти на полномъ содержаніи одаряемаго. Подаренный Павлу Авечкину домъ былъ описанъ и проданъ съ публичнаго торго на удовлетвореніе долговъ его городскому банку по векселю и Постникову по закладной, обеспеченной тѣмъ же подареннымъ имѣніемъ. Авечкинъ—даритель, искъ свой, о возвращеніи въ его владѣніе сего имущества, основывалъ на невыполненіи одареннымъ тѣхъ условій, подъ коими сдѣланъ даръ. Павелъ Авечкинъ, привлеченный къ отвѣту по сему иску вмѣстѣ съ городскимъ банкомъ (въ дѣлѣ участвовалъ и Постниковъ), объяснилъ, что условія дарственной записи имъ дѣйствительно не выполнены. Судебная палата находила, что на обязанности истца Авечкина лежало доказать дѣйствительность событий, служащихъ основаніемъ его иска; но истецъ не доказалъ неисполненія сыномъ его, Павломъ, условій дара; заявленіе же о семъ одного Павла, какъ лица, заинтересованнаго вмѣстѣ съ отцомъ въ освобожденіи отыскиваемого имущества отъ описи и продажи въ ущербъ кредиторовъ, обратившихъ на него свои претензіи, при участіи сихъ послѣднихъ въ дѣлѣ, очевидно, не можетъ имѣть никакого значенія. Что касается до залога Павломъ Авечкинымъ подареннаго имѣнія Постникову и обращенія его въ публичную продажу: то обстоятельство это не можетъ доказывать нарушенія условій дара, имѣющаго своимъ послѣдствіемъ возвращеніе подареннаго имѣнія къ дарителю, ибо въ записи не содержится никакого воспрещенія на случай отчужденія одареннымъ уступленнаго ему имѣнія, изъ чего слѣдуетъ, что даритель, не обезпечивъ себя ни особымъ по сему предмету условіемъ, ни наложеніемъ на уступленное имѣніе запрещенія, не можетъ спорить противъ перехода этого имѣнія въ постороннія руки по долгамъ одареннаго. Заключение палаты объ обязанности истца доказывать неисполненіе отвѣтчикомъ условій дарственной записи касательно уплаты дарителю и его дѣтямъ разныхъ суммъ признано неправильнымъ—потому, что если въ записи, на которой основанъ искъ, заключаются опредѣленные обязанности, подъ условіемъ исполненія которыхъ даръ совершенъ, то даритель представленіемъ этого документа доказалъ свое право на искъ объ уничтоженіи записи по 976 ст., и уже отъ одареннаго (зависитъ) опровергнуть этотъ искъ представленіемъ доказательствъ выполненія условій дарственной записи, такъ какъ нѣтъ возможности требовать отъ истца доказательствъ неисполненія записи, т. е. обстоятельства отрицательнаго. Но не-